

⁷ Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009.

⁸ Случ С.З. Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 91. Примечание 106.

⁹ Тезис спорный, поскольку он опирается на ненадежный источник – мемуары эмигранта Г. Раушнинга.

¹⁰ В сборник также вошли статьи С. Дембского, С. Жерко, М. Корната, Н.С. Лебедевой, Я. Войтковяка.

¹¹ Партитура Второй мировой: кто и когда начал войну? М., 2009.

¹² Ragsdale H. The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II. Cambridge, 2004. P. 10.

¹³ См., например: Debo R. Survival and Consolidation. The Foreign Policy of Soviet Russia 1918–1921. Montreal, 1992. P. 191–194.

¹⁴ В заключение укажем, что странно звучит использованное автором для названия одного из разделов статьи выражение «домокловы клещи» (с. 126) – это такой же курьез, как и «геркулесова пята», да и меч все же «дамоклов».

¹⁵ См. подробнее: Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре – декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5–6.

¹⁶ Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119.

¹⁷ Секретные документы из особых папок // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 3–12.

Общественная мысль России: новые подходы

28–29 октября 2010 г. в Москве прошла конференция «Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления». В ней приняли участие историки, филологи, философы, политологи из России, Германии, Франции, Великобритании, США, Израиля. История отечественной общественной мысли рассматривалась со времен ее зарождения в Киевской Руси и до настоящего момента. В докладах был представлен широкий спектр тем, затрагивались вопросы развития политической, социальной, философской, исторической, религиозной мысли, особенности консервативных, либеральных, социалистических концепций. Столь широкий круг проблем и представительный список участников, несомненно, обеспечат читательский интерес к опубликованным материалам конференции¹. Ее значение объясняется еще и тем, что она фактически подытожила результаты масштабного издательского проекта – публикации 119-томной «Библиотеки отечественной общественной мысли», в рамках которой вышли в свет труды российских мыслителей, начиная с памятников древнерусской книжности и кончая сочинениями публицистов, литераторов, философов первой половины XX в.²

Значительное внимание на конференции было уделено часто игнорируемым теоретико-методологическим вопросам. Так, В.В. Шелохаев выступил с докладом об общественной мысли как теоретической и историографической проблеме, в котором дал определение этому явлению и обозначил этапы его становления. В выступлении И.Ю. Юргенса речь шла о возможностях адаптации модернизационных процессов в России к традиционным ценностям. Л.А. Опенкин поставил вопрос об актуальности наследия отечественных мыслителей в связи с трансформацией, которую переживают современное общество и государство. В.В. Журавлев говорил об опыте подготовки энциклопедий, посвященных общественной мысли, который позволил ему охарактеризовать нынешнее состояние историографического осмысления интеллектуальной жизни России. С.С. Секиринский коснулся проблемы «направленчества» как среди общественных деятелей XIX–XX вв., так и среди исследователей XXI столетия, указывая на необходимость преодолевать его в историографии, не замыкаться в рамках идеологических построений столетней давности.

Ряд докладов был посвящен интеллектуальной жизни России X – начала XIX в. В этом сказался новаторский подход организаторов конференции, которые отказались датировать возникновение отечественной общественной мысли лишь XVIII – началом XIX в. О ее зарождении в Киевской Руси, своеобразии и о специфике ее изучения говорил *И.Н. Данилевский*. О проблемах ее исследования (преимущественно на материалах XVIII в.) в связи с необходимостью преодоления историографических штампов и неочевидностью понятий рассуждал *А.Б. Каменский*, о русской философии XVIII в. – *Т.В. Артемьева*. Доклад о политической концепции декабристов подготовила исследовательница из Франции *Ж. Грандей*. Направления общественной мысли первой четверти XIX в. проанализировал *В.С. Парсамов*. Дискуссия западников и славянофилов стала темой выступления *Н.И. Цимбаева*.

В соответствии со сложившейся историографической традицией больше всего докладов было посвящено общественной мысли второй половины XIX – начала XX в., причем многие выступления касались господствовавших в то время идеологических моделей: консервативной, либеральной, социалистической. О консервативной модели переустройства России говорилось в докладе *А.В. Ретникова*. Традициям «русского хранительства» было посвящено выступление *А.А. Ширинянца*. Консервативное учение К.Н. Леонтьева стало темой доклада *В.К. Кантора*. Свое осмысление проблем русского либерализма предложил *А.А. Кара-Мурза*. О русском либерализме 1850–1870-х гг. говорил *Р.А. Арсланов*, о ценностных ориентирах либералов рубежа XIX–XX вв. – *Л.Г. Березовая*. Проблема личности в либеральной мысли начала XX в. была рассмотрена в выступлении *В.В. Востриковой*. *А.С. Туманова* вписала в контекст теоретических построений русских либералов систему прав человека. Политическая линия партии кадетов стала объектом особого внимания израильского исследователя *С.М. Галая*. *С.В. Шелохаев* проанализировал систему мировоззрения либерального консерватизма на основе работ *Д.Н. Шипова*. Отношению реформаторского народничества к проблеме модернизации страны было посвящено выступление *В.В. Зверева*. *А.П. Ненароков* поставил вопрос об историческом наследии российской социал-демократии.

Русская общественная мысль разных направлений неизменно обращалась к проблеме власти. В самодержавной России в этой связи неминуемо вставал вопрос о законодательном представительстве, что нашло свое отражение и в докладах участников конференции. Так, выступление *А.И. Нарезного* было посвящено проблеме народного представительства в общественной мысли России второй половины XIX в., *К.А. Соловьев* проанализировал отношение к складывавшимся институтам представительной власти в различных кругах общественности в 1906–1917 гг., *А.Н. Медушевский* посвятил свой доклад политической теории российского конституционализма начала XX столетия.

Литературоцентричность интеллектуального процесса в России обусловила тематику целого ряда выступлений. *Ю.В. Манн* сделал доклад о месте творческого наследия Н.В. Гоголя в русской культуре, *Б.Н. Тарасов* охарактеризовал историософские взгляды Ф.И. Тютчева, а американский исследователь *Г.М. Гамбург* проанализировал реакцию Л.Н. Толстого на сборник «Вехи». *Т.А. Касаткина* выявила характерные черты церковно-государственного идеала Ф.М. Достоевского. Близкие сюжеты были затронуты в выступлениях, посвященных собственно философской мысли России. Например, в докладе *С.Г. Семеновой* речь шла о «философии общего дела» Н.Ф. Федорова в контексте глобальных вызовов современности. *А.Г. Гачева* говорила о представлениях об истории русских философов XIX – начала XX в., *Е.Л. Рудницкая* – о политическом компоненте философских построений С.Л. Франка, *Д.В. Маслов* – о современной православной мысли. Действительно, русская мысль с завидным постоянством обращалась к историософии. Выявление логики исторического процесса – задача, которую ставили перед собой и юристы, и социологи, и литераторы XIX–XX вв. В этом контексте предметом анализа становятся научная школа В.О. Ключевского в выступлении немецкого исследователя *Т.М. Бона*, предложившего использовать «дисциплинар-

ную матрицу» *Й. Розена*, который применил методы Т. Куна к исторической науке, и историографические концепции советского периода в докладе английского историка *П. Дьюкса*.

Общественная мысль существует в уже сложившейся социокультурной среде, которая во многом определяет ее развитие. Впрочем, история общественной мысли в России дает и примеры преобразования действительности силой идей. Эти сюжеты также нашли свое отражение в выступлениях докладчиков. *М.Б. Велижев* проанализировал особенности восприятия первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева и реакцию на него представителей власти. *О.Ю. Малинова* определила характерные черты публичной сферы в России середины XIX в., которые обусловили своеобразие формировавшегося в то время дискурса о нации, и поставила вопрос о применении к публичной сфере нормативного подхода, восходящего к теоретическим построениям Ю. Хабермаса. *И.В. Сабенникова* посвятила свой доклад центрам формирования общественной мысли русского зарубежья и численному распределению представителей русской эмиграции 1920–1960-х гг. по «странам рассеяния».

В чем причина столь пристального внимания к общественной мысли, которая и так часто становится предметом изучения гуманитариев? Действительно, этой проблематике посвящены многочисленные диссертации и монографии. Однако практически всякий раз за рамками исследований остается вопрос: а что же имеется в виду под «общественной мыслью»? Характерно, что данное понятие сложно перевести на европейские языки. Вероятно, это объясняется тем, что за ним стоят реалии русского девятнадцатого века, когда под «обществом» подразумевалось нечто иное, нежели обычный предмет изучения современных социологов. Общество XIX столетия в восприятии славянофилов и народников, бюрократов и земцев отнюдь не тождественно населению страны³. Один из первых исследователей, употреблявших само словосочетание «общественная мысль», А.Н. Пыпин, связывал зарождение общества с петровскими реформами, когда подавление безмолвных масс сочеталось с европеизацией верхов, которые и должны были стать носителями начал «самодетельности и самостоятельности». Именно аристократия была тем ядром, вокруг которого складывалось русское общество. Причем, по мнению Пыпина, этот процесс обозначал и «пробуждение» общественной мысли в России⁴.

Соответственно, формировавшееся тогда «общество» – не народ. Как раз последний – привычный объект рефлексии «общественников», приученных говорить от имени «безмолвного большинства». Принадлежность к обществу обусловлена той или иной степенью вовлеченности в процесс осмысления общих проблем, стоявших перед государством и социумом. В этом отношении общественная мысль – необходимый атрибут общества, создававшего смыслы и так или иначе транслировавшего их. Исходя из этого, минимальное требование к представителю общества – это элементарная грамотность, не слишком распространенная в России XIX в. По данным на 1867–1868 гг., грамотных среди рекрутов было 9–10% (в Московской губ. – около 20%). К 1879 г. грамотных в Петербурге было более 55% (62% мужчин и 46.4% женщин), всего же в стране их количество едва ли превышало 6%. К концу века их число достигло 21%. Однако не все умевшие читать и писать могли быть однозначно приписаны к обществу, хотя бы потому, что «грамотными» были и выпускники университетов, и едва умевшие подписываться «сельские обыватели». Изучая общество в России, вероятно, следует учитывать и другие критерии, помимо наличия элементарного образования: например, род деятельности представителей читающего меньшинства. К 1881 г. 5.2% населения столицы так или иначе получало доход на государственной службе, еще 5.2% – принадлежало к свободным профессиям⁵. В совокупности это около 11%, которых едва ли можно однозначно приписать «обществу»: неизвестно, все ли они были вовлечены в коммуникативный процесс, в результате которого и формировалась общественная мысль.

Можно попытаться обозначить общество, отталкиваясь от его вероятного круга чтения. Очевидно, что в первую очередь речь должна идти о «толстых журналах»,

которые неизменно претендовали на то, чтобы быть глашатаями «общественной мысли»⁶. Самые популярные органы периодической печати 1830–1840-х гг. имели весьма ограниченный круг читателей. Так, «Библиотека для чтения» издавалась тиражом до 7 тыс. экземпляров, «Отечественные записки» (в 1840 г.) – до 4 тыс., «Современник» (в 1848 г.) – до 3.1 тыс. Тираж наиболее читаемой газеты «Московские ведомости» в это же время колебался от 6 до 9 тыс. экземпляров. Со временем тиражи росли. В 1890-е гг. средний тираж «толстого журнала» колебался между 3 и 5 тыс. экземпляров, тираж «тонкого журнала» достигал 50 тыс., газеты – 25 тыс.⁷ По оценке редакции журнала «Современный мир», один экземпляр толстого журнала читало 8 человек, если же он хранился в библиотеке – 30. Соответственно, круг читателей популярного журнала с тиражом 15 тыс. экземпляров приближался к 200 тыс. человек. Согласно расчетам А.И. Рейтблата, к концу XIX в. читательская аудитория в России в совокупности составляла 8–9 млн человек (т.е. приблизительно 6–7% населения страны)⁸.

Иными словами, интеллектуальное пространство России имело вполне очевидное социальное измерение. Его границы постепенно раздвигались, однако «общественность» и к концу XIX в. охватывала пусть и очень заметную, но сравнительно малочисленную группу населения. И чем дальше от столиц и университетских городов, тем более ограниченным и замкнутым становилось интеллектуальное пространство. Эти его особенности в России существенно влияли на становление идей, будораживших общество. «Герметичные» условия университетских кружков, редакций журналов, литературных салонов быстрее доводили их «до точки кипения». Интеллектуальный процесс тесным образом смыкался с социальным. В этой связи следует поставить вопрос об «интеллектуальном быте» России (по аналогии с литературным⁹). С одной стороны, определенный набор идей «прививался» вместе с привычками, нормами поведения, с другой – нередко сами идеи предопределяли образ жизни человека, их исповедовавшего.

Общественная мысль представляется организаторам и многим участникам конференции не пестрой совокупностью разнородных идей и великих имен, а единым процессом, имеющим внутреннюю логику и связывающим воедино, казалось бы, столь непохожие друг на друга этапы развития страны. При этом материалы конференции невольно наталкивают на мысль, что «повестка дня» современного интеллектуала в значительной мере была актуальной и сто, и двести лет назад. Тогда, как и сейчас, обсуждались такие вопросы, как особенности конституционного строительства в России, принципы территориального устройства, перспективы освоения пространства и т.д. Однако сходство сюжетов лишь оттеняет отличия. Исследователю важно проследить, как менялся язык описания этих проблем, как возникали новые акценты, как появлялись категории, определяющие и современное интеллектуальное пространство. Иными словами, изучая общественную мысль, гуманитарий должен обращаться к «археологии знания», выявляя «пласты» непрерывного течения человеческой мысли. Ведь «в наши дни история – это то, что преобразует документы в памятники, в которых расшифровываются оставленные людьми следы»¹⁰.

**К.А. Соловьев, кандидат исторических наук
(Российский государственный гуманитарный университет)**

Примечания

¹ Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2011. 688 с.

² Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века. Т. 1–119. М., 2010. В этой же связи следует упомянуть и о недавно изданных четырех энциклопедиях общественной мысли, представляющих собой принципиально новый тип справочного издания, не собирающего воедино хорошо известные краткие сведения об интересующем пред-

мете, а предоставляющего читателю развернутые авторские исследования по данной тематике. *Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия.* М., 2005; *Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия.* М., 2009; *Российский либерализм середины XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия.* М., 2010; *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия.* М., 2010.

³ *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII – XIX веков: Традиции и новации. М., 2003. С. 4–7.

⁴ *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900. С. 5.

⁵ *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 287, 289, 295, 324.

⁶ *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 39–40.

⁷ *Очерки русской культуры XIX века.* Т. 3. М., 2001. С. 451, 468–469.

⁸ *Рейтблат А.И.* Указ. соч. С. 25, 48.

⁹ *Эйхенбаум Б.М.* Литературный быт // *О литературе.* М., 1987. С. 428–436.

¹⁰ *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004. С. 42–43.